

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЛИТЕРАТУРА

Эпос. Красноречие. Сатира. Эпиграммы Марциала. Лирические поэты, Овидий. Римский роман.

В эпоху Августа римский эпос достиг высшего расцвета. Вершиной развития является «Энеида» Вергилия (70 г. до н. э. — 18 г. н. э.). Вергилий не выбрал современной ему темы и все же его поэма кровно связана с политической жизнью его времени. Вергилий описывает взятие Трои, странствования Энея и прибытие его в Италию. Эней, сын троянского героя Анхиза и Венеры, считался легендарным родоначальником римских царей и рода Юлиев. Юлий Цезарь и Август всячески поддерживали легенду о своем происхождении от Энея. Поэма Вергилия давала поэтическое выражение легенде о связи Рима и Трои. Власть Августа окружалась сиянием божественного происхождения и седой старины.

Позднее Лукан сделал попытку взять сюжет для эпической поэмы из недавнего прошлого. В его «Фарсалии» описана борьба Цезаря и Помпея, окончившаяся поражением Помпея на Фарсальских полях в 48 г. до н. э. Помпей изображен у Лукана борцом за права мира, Цезарь назван гонителем свободы, которая ушла за Рейн и Тигр. Лукан восхваляет убийцу Цезаря, Брута — «последнюю надежду сената». Республиканский образ мыслей Лукана разделяли и некоторые представители современной ему исторической литературы. До нас не дошли сочинения республикански настроенных ораторов и историков I в. н. э., но известно, что при Августе были сожжены сочинения Лабеоны, при Тиберии осужден на смерть Кремутий Корд, восхвалявший Брута и называвший Кассия «последним римлянином». Позднее, при Домициане, за похвалы республиканскому образу правления поплатились жизнью Арулен Рустик и Геренний Сенецион. В 65 г. за участие в заговоре Пизона та же участь постигла Лукана.

В эпоху Флавиев, при Веспасиане и Домициане, эпос приобрел оторванный от жизни характер. Политические условия не позволяли брать острой, актуальной темы. В подражание греческим образцам Валерий Флакк написал «Поход Аргонавтов». Силий Италик, удалившись от политики, создал свою поэму о второй пунической войне, полную мифологической и географической учености, условных батальных картин. Стаций написал поэму о подвигах Ахилла и, посвящая Домициану другую свою поэму, «Фиваиду», на сюжет из греческой истории, искусно оправдывал свой уход от современности тем, что «еще не в силах» достойным образом воспеть Рейн и Дунай, «дважды покоренные императором».

Красноречие в эпоху Империи приходит в упадок по сравнению с периодом Республики. По выражению Тацита, Август «укротил» красно-

речие. С той поры красноречие утратило свою политическую остроту, превратилось в средство для восхваления императорской власти или в оторванное от жизни «искусство для искусства».

Вопрос о старом и новом красноречии поставлен с чрезвычайной выпуклостью в одном замечательном произведении, дошедшем до нас. Это «Диалог об ораторах» Тацита. Защитник нового красноречия Април указывает на его остроумие, изящество, сравнивает блеск новых речей с блеском мрамора и золота, сверкающих в новых храмах. Его противники противопоставляют новому красноречию здоровое красноречие республики, чуждое декламации, основанное на знании законов и философии. Они указывают и главную причину упадка подлинного ораторского искусства: нет политической жизни, нет достойных тем для речей, юристы произносят свои речи уже не на Форуме, не в присутствии многочисленной толпы, а в государственных учреждениях.

Риторика превратилась в «служанку» императорской власти. Веспасиан ассигновал ежегодно до 100 тыс. сестерциев на содержание учителей латинской и греческой риторики в Риме. При Домициане была учреждена первая общественная школа риторики в Риме. Ее руководителем на казенном жалованье был назначен Квинтилиан, автор сочинения «О воспитании оратора». Квинтилиан проповедовал обращение к классикам, к Цицерону. Но это изучение республиканских классиков в новых условиях должно было принять «академический» характер, свестись к изучению формы и стиля. О новом же содержании лучшее представление дает похвальное слово Траяну, произнесенное Плинием Младшим, который воспитывался в школе Квинтилиана. Речь его полна безграничной лести и безмерных восторгов.

Во II в. в греческих городах расцвело красноречие так называемой «второй софистики». Оратор из политика и гражданина превратился в виртуоза, его речи — в своего рода эстрадные выступления. Свои речи он произносил в театре или в собственном доме, выезжал на гастроли, вступал в состязание с другими мастерами ораторского искусства. Техническая виртуозность построения, нарочитая изысканность языка вошли в закон. Эти новые вкусы нашли отражение и в Риме. Все более развивался вкус к антикварной учености, школьным грамматическим изысканиям, искусственным словесным оборотам, не похожим на обороты живого разговорного языка.

Красноречие было «укрощено» уже с начала I в. Но в то же время, на протяжении I в., блестяще развивалась римская сатира. В ней нашло наиболее яркое выражение критическое отношение к римской действительности. Сатиры Горация носят жанровый, безобидно-комический характер. Персий (34—62) и Ювенал (ок. 58—138) делают из сатиры орудие обличения, а у Сенеки в «Апоколокинтозе Клавдия» сатира превращается в ядовитый памфлет¹.

Персий нападает не на отдельных людей, а на пороки. Сатиры Персия можно назвать философией стоиков, превращенной в поэзию. Лучшим образцом Персиева стоицизма могут служить его размышления о рабстве. Человек — раб страстей. Вот как Алчность понукает человека, словно господин — запуганного раба:

Утром храпишь ты, лентяй. «Вставай!» — говорит тебе Алчность.
«Ну же, вставай!» Нипочем. «Вставай!» — «Не могу». — «Да вставай же!»
«Незачем». — «Вот тебе раз! За камсой отправляйся из Понта,
Паклей, бобровой струей, черным деревом, ладаном, шелком».

¹ Апоколокинтоз (превращение в тыкву) — пародия на слово апофеоз (превращение в бога).

Колонна Траяна. Гравюра Пиранези

гробницах на Аппиевой дороге. Но исчезли лица, остались пороки. Разнообразнейшие представители римского общества проходят перед читателем ювеналовых сатир: опекуны, ограбившие своих воспитанников, доносчики и взяточники, мужья, предоставляющие своих жен богатым любовникам, лицемерные развратники, придворные льстецы и льстец-клиенты, поэты и историки, живущие в нужде, невежественные выскочки из вольноотпущенников, разыгрывающие роль покровителей искусства. Персий целился в пороки, желая воздействовать на отдельных лиц. Ювенал даже тогда, когда избирал мишенью своей сатиры отдельных людей, в их лице поражал самые закоренелые язвы общества.

Столь же много для характеристики темных сторон римского общества I в. н. э. дают эпиграммы Марциала — короткие стихотворения на одну тему. Многие из них рисуют неприглядный будничней Рим, его перенаселенные квартирные дома, его грязные улицы, его разврат.

В I в. Римской империи значительное развитие получает лирика. Родоначальник римской лирики Катулл в период Республики отправлялся от образцов александрийской поэзии, Гораций (65 г. до н. э. — 8 г. н. э.) обращается к классическим греческим образцам — Алкею, Саффо, Анакреонту и переносит греческие стихотворные размеры на римскую почву. Он сам говорит об этом в послании к Меценату:

...впервые паросские ямбы
Лацию я показал; Архилоха размер лишь и страстность
Брал я, не темы его, не слова, что травили Ликамба.
Я побоялся менять размеры и строй его песен.

Попадая в новую культурную среду, имевшую свое историческое прошлое, греческие лирические мотивы начинали звучать по-новому. При чтении «Од» Горация нельзя забывать, что времени их появления предше-

Эта борьба с «духовным рабством» притупляла борьбу с рабством физическим. Стоицизм убеждал, что рабу нечего добиваться свободы, если все дело заключается в «духовном освобождении». Не следует поэтому преувеличивать обличительного значения персиевых сатир.

Ювенал уже не надеется исправить нравы столицы. Он видит в них неодолимую силу. Но, рисуя самые неприглядные стороны римского быта, изображая во всей наготе жизнь римского общества, он достигает большего, чем Персий, своими абстрактно-туманными сатирами. Его негодование сильнее и конкретнее, его удары чаще попадают в цель. Правда, он сам подчеркивает ретроспективный, обращенный в прошлое характер своих сатир. Большинство тех, кого он бичует, покоятся уже в

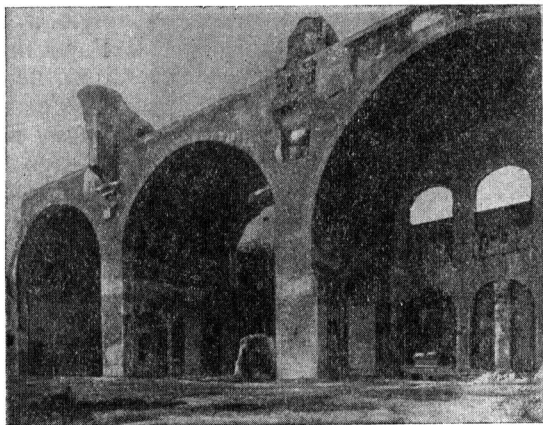
ствовал период напряженной политической борьбы, политических тревог и неустойчивости. В одной из своих сатир Гораций писал:

Вот в чем желания были мои:
необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно
текущий источник.
К этому лес небольшой.—И лучше,
и больше послали
Боги бессмертные мне.

Эту эпикурейскую тишину своего сабинского поместья, подаренного ему его покровителем и другом Мecenатом, приближенным Августа, Гораций получил ценою отказа от политики. На деле пресмыкался перед политической усталостью вообще характерны во времена Августа для значительной части римской интеллигенции. Гораций любовно описывает прелести «сельской» жизни в том понимании, которое присуще горожанину, владельцу загородной виллы. Современники Горация дорожили близостью виллы к городу. Их вилла — место отдыха от городских дел. Гораций в одной из од пророчит, что громады дворцов скоро оставят мало земли для плуга, душистые ковры цветов заменят оливковые рощи, когда-то приносившие столько плодов.

«Сельские» мотивы Горация могли быть поняты только богатыми жителями большого города, имеющими загородные владения. Общеизвестное идиллическое описание сельской тишины («Блажен тот, кто вдалеке от забот...») имеет концовку: вся эта похвала «сельскому житию» вложена в уста ростовщика Альфия, продолжающего усердно заниматься своими городскими делами. Поэт знает, что его «сельская поэзия» только в городе, в небольшом кружке друзей и ценителей найдет настоящий отклик.

Наряду с эпикурейскими одами, рассчитанными на тес-

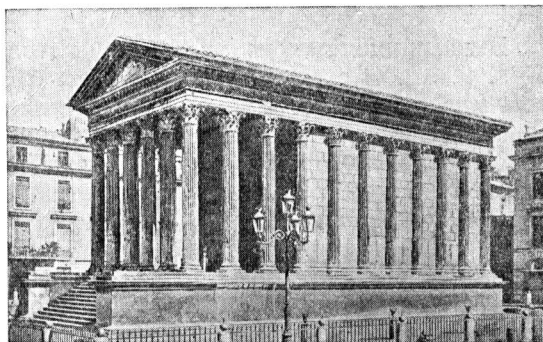

Базилика Константина. Рим

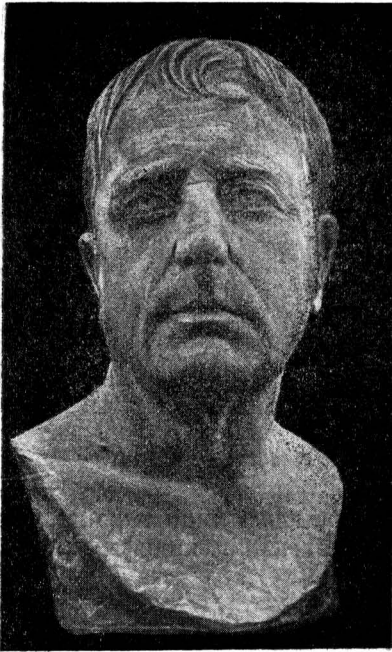
словах «бросая вызов в лицо тирана», он Августом. Политический индифферентизм,

Триумфальная арка Септимия Севера. Рим

Храм в Ниме

Бюст римлянина. Терракота

ную аудиторию знатных покровителей, Горацию принадлежат политические оды, нередко превращающиеся в громкие славословия существующему порядку вещей. И, тем не менее, множество географических названий и имен народов дает нам живо почувствовать многообразие римской культуры, величину и разбросанность владений Рима. В лице Горация римлянин чувствует себя не только римлянином, но и гражданином средиземноморского orbis terrarum (круга земель). В оде, вдохновлявшей наших поэтов Державина и Пушкина («Памятник»), Гораций говорил о своей бессмертной славе. В другой оде поэт изображает себя лебедем:

Славней Икара, сына Дедалова,
Умчусь к Босфора берегу гулкому,
К гетульским сиртам, я, — певучий
Лебедь, — в пределы гипербореев.
Меня узнают колх, и храбрыщийся
Пред войском марсов дан, и далекие
Гелоны с хитрым иберийцем,
Или из Родана пьющий воду.

К началу I в., в условиях ожесточенной классовой борьбы, в разных кругах римского общества особенно обострилось чувство ожидания «новой эры». Новую эру понимали по-разному, но в интересах принципата было использовать это ожидание. Народные низы ждали возвращения «золотого века», т. е. лучших времен. Их старались убедить, что золотой век уже наступил с приходом Августа к власти. Вергилий писал:

Дева приходит опять, приходит Сатурново царство,
На землю с вышних небес посылается новое племя.

Средневековые христианские писатели видели в этих словах пророчество о рождении Христа. Но Вергилий имел в виду не Христа, а ожидаемого наследника Августа. Гораций также отдал дань этой теме и прославил наступление «новой эры» в своем «Юбилейном гимне».

Честь и древний Стыд, Мир и Верность снова
Здесь, и Доблесть вновь из забвенья смело
К нам идет, и щедр, благодати полный,
Рог Изобилья.

Выдающимся поэтом рубежа двух столетий был Овидий (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.). В своих «Метаморфозах» (Превращениях) Овидий охватил весь мир греческих мифов. Он начинает с первобытного хаоса и возникновения вселенной, золотого века и потопа и кончает придворно-римским повествованием о превращении обожествленного Цезаря в звезду. Та мифология, которую обличали христианские писатели за «безнравственность» и антропоморфизм (очеловечение богов), получила свое наиболее законченное выражение у Овидия. Его боги полны человеческих страстей. Можно сказать, что его боги — люди со всеми их волнениями и слабостями. Когда мы читаем повествование о дерзости Фаэтона, отважившегося править колесницей Солнца, то этот драматический, волнующий рассказ становится для нас рассказом о человеческой пытливости, не знающей пределов. Рассказ об Аполлоне, влюбившемся в Дафну, которая,

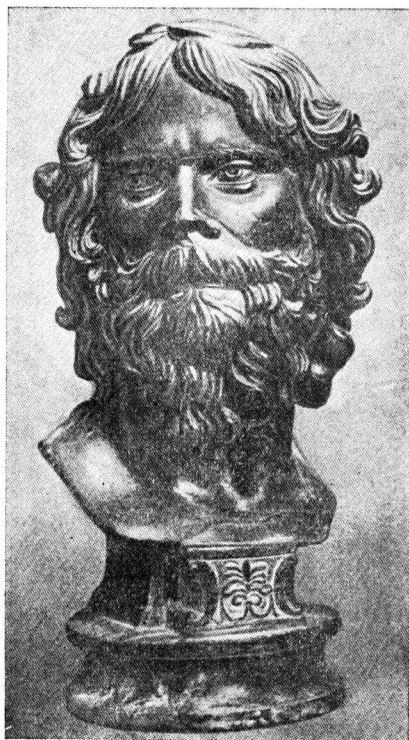
спасаясь от его преследований, превратилась в лавр, — не религиозный миф, а пластический, живописный образ, по своей реалистичности не имеющий равных в римской литературе. Это превращение описано до мелочей: на наших глазах руки превращаются в ветви и стремительное движение останавливается.

Овидий впал в немилость у Августа и был выслан из Рима, окончив свою жизнь в изгнании на берегах Черного моря. Лирические произведения Овидия, написанные в изгнании («Тристии» и «Послания с Понта») — неповторявшееся, единственное явление в римской литературе. С волнующей искренностью передает Овидий одинокое ожидание далеких кораблей, приплывающих в гавань. Он сравнивает свои стихи с песней скривленного раба, приговоренного к тяжелой работе, который пением облегчает тяжесть своего труда. Описания римской весны чередуются со стилизованными описаниями снегов, метелей и льдов скифской зимы. И здесь же — описание отъезда Овидия из Рима, лунной ночи и Капитолия, который он видит в последний раз.

Век «золотой латыни», век Августа, был периодом расцвета римской поэзии. Вторая половина I века и первая половина II века — век «серебряной латыни», период расцвета художественной прозы. К этому периоду относится возникновение в римской литературе новой формы художественной прозы — романа.

Предшественником римского романа можно считать сочинение Квинта Курция о походах Александра Македонского (I в. до н. э.). Квинт Курций придал сообщениям греческих историков форму занимательного рассказа, усилил в них легендарно-фантастические черты. Но эта обработка эллинистического сюжета не преследовала одной лишь цели дать римлянам легкое, занимательное чтение. В романе всплывали вопросы, волновавшие римских историков: чему обязаны своими успехами всесветные завоеватели, — доблести или удаче, фортуне? Авантюрный по форме роман, состоящий из вереницы эпизодов, должен был убедить, что удачи и успехи Александра — нечто в корне иное, чем мировое владычество римлян, основанное на их «моральном превосходстве», на «доблести», а не на случайности фортуны. Исторический роман, однако, не получил дальнейшего развития на римской почве. Романы Петрония (современника Нерона) и Апулея (II в.) — совершенно отличны от «романа» Квинта Курция.

«Сатирикон» Петрония не дошел до нас целиком. В сохранившихся отрывках повествуется о приключениях вольноотпущенника Энколпия и его спутников в Южной Италии. Центральное место занимает описание пира Тримальхиона, разбогатевшего вольноотпущенника. Роман — откровенная картина римских нравов, написанная с меткой наблюдательностью, красочно и живо. Пир богатого вольноотпущенника Тримальхиона — дикое сочетание безграничной роскоши, площадного цинизма и неотесанной грубости.

Голова варвара

В романе Апулея «Метаморфозы» (более известном под названием «Золотой осел») реализм бытовых сцен, откровенность чувственно-эротических подробностей уживается с идеализмом, мистицизмом, верой в народные суеверия. Сюжет романа — приключения молодого Луция, превращенного фессалийской волшебницей за свое распутство в осла. В роман в качестве вставного эпизода-рассказа введена поэтическая сказка об Амуре и Психее, по-гречески изящная и классичная. На сумрачном фоне колдовских суеверий и жанрово-бытовых сцен она кажется особенно прозрачной и светлой. Сказка о Психее (душе) и ее незримом возлюбленном Амуре (боге Любви), которого Психея лишается навсегда, увидев его и узнав его имя, служила предметом изображений в живописи и скульптуре до Апулея, но он первый литературно обработал этот сюжет.

